

Татьяна Хомякова

ПОВЕСТЬ О СТРОМЫНСКИХ СВЯТЫХ

6+

Татьяна Хомякова

Повесть о стромынских святых

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Хомякова Т. И.

Повесть о стромынских святых / Т. И. Хомякова — «ЛитРес: Самиздат», 2014

ISBN 978-5-532-03173-9

Россия XIV века, разрозненная и истощенная междоусобными войнами. Русские князья вынуждены платить дань Золотой Орде. Небольшая пустынька в лесу, основанная братьями Варфоломеем и Стефаном становится местом духовного возрастания и покоя, привлекая все больше людей самого разного происхождения и возраста. Сюда же приходят два странника, которые по пути пригрели паренька-сироту Спирьку. Жизнь в монастыре, монастырские трудности, обычаи и навыки, духовный рост друзей от простых мирян до наместников обители, увиденные глазами Спиридона - все это вы найдете в книге.

ISBN 978-5-532-03173-9

© Хомякова Т. И., 2014
© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Предисловие	5
Путники	6
В дороге	8
В пустыни	11
Моровая язва	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Татьяна Хомякова

Повесть о стромынских святых

Предисловие

Однажды глубокой ночью, когда Преподобный молился о своих учениках, раздался голос: «Господь услышал молитву твою – смотри: так умножится число учеников твоих».

Исторические повести отличаются от жизнеописания святых и от их житий, прежде всего, тем, что в них имеется значительная доля вымысла. О происхождении и жизни святых Саввы и Леонтия, вышедших из гнезда Троице-Сергиевой Лавры неизвестно практически ничего, незначительны также рассказы об их подвигах. Но множатся истории о помощи по молитвам, к ним обращенным. Повесть, которая предлагается вашему вниманию была написана в 2014, юбилейном для Лавры году, однако, не была тогда опубликована. В ней много вымышленных персонажей и событий, и, не претендуя на историчность, я все же надеюсь, что она послужит главной цели – сделать Стромынских святых такими же родными, живыми и близкими людьми, какими они стали мне.

Татьяна Хомякова, 2020 год

Путники

Вечерело. Сосны на холме стояли неподвижно. Неподвижны были кусты при дороге, неподвижен был, казалось, сам летний теплый воздух, только сизый туман, понемногу заполняя низины, стлался в долине. Дорога, спускаясь с высокого холма, таяла в густом «молоке» и, вновь возникая, становилась все более видимой по мере подъема на следующий холм. По дороге, опираясь на посохи, вырезанные из тонких, но прямых и крепких стволов, не спеша шагали двое. На плечах висели котомки – не слишком тяжелые, но ценные для них. Это было видно по тому, как бережно придерживал ремешок котомки старший и как изредка похлопывал по своей ноше, проверяя, – на месте ли? – младший. Старшему на вид было лет тридцать. Худое его лицо, обрамленное светлыми прядями волос, было задумчиво. Запавшие щеки покрывала светлая борода, спускавшаяся на грудь, взгляд глубоко посаженных льдисто-светлых глаз был устремлен на дорогу, но видно было, что мыслями он далеко отсюда. Его товарищ был младше возрастом лет на десять и ниже на пядь ростом, черные волнистые волосы спускались до плеч, кучерявились на подбородке. Темные глаза с интересом осматривали окрестности, губы временами складывались в улыбку, когда мелкая птица вспархивала из травы на обочине или заяц, высоко вскидывая задние ноги, прыжками пересекал ложбинку. Все интересовало его, все радовало, и мир отвечал ему тем же. Белая бабочка, покружив у плеча, села ему на рукав рубахи из грубого сукна. Солнечный луч заходящего солнца, сделав еще более красными и без того красновато-коричневые стволы и, осветлив на фоне темнеющего неба зелёные сосновые кроны, скользнул по его лицу, волосам.

Тени идущих все более удлинялись, шаги делались медленнее.

– Пора на ночлег становиться, – сказал светловолосый.

– А и то, пора, – легко согласился его спутник.

Свернули с дороги, углубившись в лес, нашли небольшую ложбинку под корнями упавшего дерева. Корни выворотили из земли большой ком и образовали ямку, сами же служили стеной и даже кровлей, готовый укрыть путников от ветра и непогоды. Вокруг стояли высокие прямые стволы, по земле стлался мох. Дождей давно не было, и мох хрупко крошился под ногами.

Младший достал из-за пояса топорик, лезвие которого было увернуто в ветхую, но чистую тряпицу, прошел по лесу, нарубил лапника, соорудил ложе. Потом сложил шалашиком сушняк, наколот и уложил в нем щепы и лучины, в глубине шалашика положил мох. Пошарив в котомке, достал сверток из бересты, затянутой лыком. Развязал, положил на мох рядом с приготовленным костром кованое кресало затейливого вида, пучок трута и кремь. Кусочек трута был помещен в самую середину кучки мха. Убрал со лба упавшую прядь, черноволосый ловко ударил кремнем по кресалу. Искры разлетелись в стороны, одна из них попала на трут, синий дымок повис в воздухе, следом за ним огонек побежал по труту, охватил мох, затем лучины и щепу. И вот уже под корнем дерева, согревая стынувшие на ночном воздухе ладони, пляшет огонь. Высокий путник, не отрываясь, смотрит на огонь, но видит в нем что-то иное, далекое и притягательное....

– О чём задумался, брат? – подкладывая сухих веток можжевельника, спросил младший.

– Да вот, вспомнилось... Читал я в одной книге о том, как игумен Даниил захотел видеть Землю обетованную. Дошел он до святого города Иерусалима, и видел святые места, где Христос Бог наш ходил своими ногами....

– Что за книга? – черноволосый обернулся к нему всем телом, на лице его было удивление и интерес.

– Называлась она «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли». Один старец дал мне прочесть, и запала она мне в душу. А более всего поразило меня, как к Гробу животно-

рящему Господа нашего Иисуса Христа сходит Нетварный Свет, зажигая лампы и свечи... Хотелось бы и мне когда-нибудь увидеть тот Свет Благодати Божией. Вот смотрел сейчас, как ты огонь разводишь, в костерок этот бодрый наш гляжу, а сам все думаю – каков тот Свет Нетварный, который возжигает лампы, а лица не обжигает, на который смотреть не всякий может, но лишь достойный Божественной Благодати...

– Хорошо рассказываешь...

– Так в книге написано, я только передаю написанное...

Младший достал из котомки соль и краюху хлеба, разломил ее. Помолвившись, принялись за еду.

Дым от костра сносило в сторону от кучи лапника, на которой сидели путники. Языки огня плясали на подсыхающих дровах, блики его и тени деревьев двигались в причудливом хороводе, покачивались, вырастая и снова становясь низкими, и поэтому сидящие у костра не сразу заметили шуплую фигурку, которая выступила к огню из кустов.

– Дяденьки, можно погреться?

Веснушчатый босоногий мальчик со спутанными волосами, в порванной на локтях рубахе, в домотканых портках с заплатами смотрел голодными глазами на хлеб.

– Проходи, грейся. Далеко идешь? – Черноволосый отломил от своей доли половину и протянул мальчику.

– Не знаю... Спаси Господи! – мальчик взял хлеб, перекрестился, бережно подставив ладошку, чтобы не упало ни крошки, откусил его. По всему было видно, что хлеба он не видел уже, по меньшей мере, несколько дней, но, несмотря на худую одежду и бледность лица, происхождения он был не простого.

–А откуда и как звать тебя?

–Из Твери. Родители звали Спиридоном, – Спирькой. Отец у Михаила, князя Тверского воеводой был. Их татары убили вместе с маткой и старшими братьями, а я еще тогда совсем мальцом был, меня собакам кинули. Те меня не тронули, живым остался. С тех пор у кузнеца жил. Рука у него тяжелая была, нрав горячий, – Спирька почесал затылок, – но сердце доброе. Когда татары его жену и дочку в полон потащили – не выдержал, бросился на них... И его зарубили и сыновей, девок и баб увели. А я вот убежал. Можно я с вами пойду? – Спиридон доел хлеб, собрал крошки с ладони, смотрел выжидающе.

–Там видно будет. Пока спать давай! –

Подбросив веток в огонь стали устраиваться на ночлег. Светловолосый достал из котомки дорожный складень с изображением Спасителя и Пресвятой Богородицы, пристроил на корнях, которые образовали как бы полочку для святых икон. Помолвились, легли поближе друг ко другу. Мальчика положили в середину, чтобы человеческим телесным теплом согреть худенькое тело, а сердечным – защитить и приласкать исстрадавшуюся душу. Костер догорал, последние искры улетали в звездное небо.

В дороге

Утро застало троих путников уже в дороге. Влажная от росы одежда парила, летние лучи быстро согревали дорожную пыль. Туман давно рассеялся и по обе стороны от дороги были видны холмы, на которых росли сосновые леса, иногда сменявшиеся белоствольными березовыми рощами.

– Так куда вы идете, дяденьки? – вихрастый белоголовый паренек делал шаги в два раза чаще, его спутники шагали размашисто и споро. Мальцу приходилось спешить, но он успевал иногда сбежать на обочину, чтобы сорвать спелой земляники, потом догонял и на ходу задавал вопросы, поглядывая в лицо спутнику, который иногда приглаживая непослушные черные как смоль кудри, не спеша отвечал. Старший молчал, но губы его шевелились, глаза были устремлены вдаль, – туда, где земля сливалась с небом, а дорога становилась точкой, теряющейся среди колосющихся хлебов, среди которых они теперь шли.

– Так тебе и расскажи, «племянничек»! ... Счастья искать идем... – усмехнулся черноголовый. В глазах его плясали искорки.

– Счастья... Где его найдешь! Ну, тогда я с вами, ладно? Я много умею, – и Христа ради просить, и в подмастерьях у кузнеца кой-чему научился, и так...

– Ну, Христа ради просить, Бог даст, не придется, мы трудами живем, по слову Апостола: «Если кто не хочет работать, тот пусть и не ест¹» ...

– А кто такой апостол? А что вы работаете?

– Погоди с вопросами, давай по одному. Я – корзинщик, – ну, умею корзины и короба плести, лапти тоже – вот сплету, продам, хлеба и купим. Хочешь – и тебя научу.

– А тот?

– Он лекарь, травник. Он столько трав знает, сколько ты и не видел, наверное. Ну вот, придем куда, – он лечит. Если вылечит, нас и кормят и с собой на дорогу дают...

– А если не вылечит?

– Ну, пока такого не было, он же не только травами, он молитвой лечит, ему Господь помогает и Пресвятая Богородица.

– Вот этому бы я хотел научиться...

– Ишь ты! Давай пока корзинки научись плести, а там – как Бог даст. Эй, брат! – обратился он к шагавшему впереди товарищу, – расскажи нам про Святую землю!

– А он там был? – замер парнишка.

– Сам не был, но книгу читал, и почти всю на память помнит. Он много чего знает – и святое Евангелие и Псалтирь.

– Всю? – не поверил Спирька.

– Всю, и не только... и из Бытия и Притчи... Ты спроси, он тебе расскажет... Ну, так как, брат?

Тот вздохнул, перекрестился широко, и поднял на Спиридона взгляд своих прозрачных глаз.

– Хочешь про Иерусалим услышать?

– Хочу!

– Ну, слушай...

Не сбавляя шага, тихо улыбаясь, светловолосый заговорил: «Святой город Иерусалим расположен в теснине, вплотную около него – высокие каменные горы. Подходя уже к самому городу, видишь сначала столп Давидов, а потом, пройдя немного, видишь Елеонскую гору, и Святая Святых, и церковь Воскресения, где находится Гроб Господень, и потом видишь весь

город. И есть там пологая гора вблизи от дороги, на расстоянии примерно версты до Иерусалима, – на той горе ссаживаются с коней все люди, и кладут там крестные поклоны, и поклоняются святому Воскресению на виду у города. И испытывает тогда всякий христианин огромную радость, видя святой город Иерусалим, и слезы льются тут у верных людей. Никто ведь не может не прослезиться, увидев эту желанную землю и видя святые места, где Христос Бог наш претерпел страсти нас ради, грешных. И идут все пешком с радостью великою к городу Иерусалиму...»

Затаив дыхание, слушал Спирька. Мягко улыбаясь, вслушивался в слова черноволосый спутник. Где-то далеко-далеко, за тридевять земель стоял великий Святой град, к которому стремились их души...

Торопливый топот копыт послышался сзади, всадник на взмыленном коне промчался мимо них, плетью огрев по спине светловолосого, не успевшего подалее сойти с дороги.

– Ростовский посланник, – глядя вслед ему, проговорил черноволосый,

– Знаешь его? – уронил светловолосый.

– Видел... не слишком охотно отозвался собеседник, – из челяди князя Константина, Ростовского удельного князя... Мало того, что татары грабят, убивают, так еще и князья меж собой не мирятся. Ростовский князь со Смоленским рубится, да и на Новгородского в поход ходит... Всех под себя подмять желает. Но есть люди иные – как князь Серпуховской Андрей и московский князь Димитрий. От того и иду я в Радонеж, что там живет выходец наш, ростовский, сын боярина Кирилла и жены его Марии. Земли те принадлежат князю Андрею Ивановичу, мужу богобоязненному, который неправд не творит и защищает сирот и вдов. Вот потому и идут в те края из родных ростовских мест и простые люди, и бояре и те, кто хочет от мира сего удалиться и в пустыни жить. И я туда иду...

– Так и ты к пустыннику Сергию направляешься? – даже остановился от изумления светловолосый, устремив на него взгляд пронзительный и недоверчивый.

– Да... А ты разве не в Святую землю путь держишь?

– Я же говорил тебе, что видеть Нетварный Свет лишь достойным может быть дано в утешение. А мне, многогрешному, надо спасения искать в лесах, в пустынном житии. И не увидел я лучшего пути, чем попросить у отца Сергия благословения на жизнь рядом с ним, в его пустыни. Ибо сказано – «С преподобным преподобен будеши, и с мужем неповинным неповинен будеши, и со избранным избран будеши, и со строптивым развратишися²».

Некоторое время шли молча. Потом черноволосый сказал:

– Рассказывают, совсем простая там жизнь. Стоит за оградой в лесу пустынька, двенадцать братьев живет рядом с Преподобным, каждый в своей келье, им самим срубленной. Все вместе служат Богу и между ними всеми – любовь и мир, как между апостолами и самим Господом. Вот только не знаю, меня, грешного, примет ли?... Меня с детства путь этот манил, да пока родители живы были, не мог нарушить их воли, жил, как все в миру живут: корзины плел, продавал, в храм Пресвятой Богородицы ходил. Там у мощей святого Леонтия такие чудеса творились! Просил я в Петровском монастыре постричь меня, но владыка отказал, сказав, что мне суждено быть постриженным в иной обители.

– Служение монашеское – путь ангельский...– Светловолосый вздохнул, помолчал... Потом продолжил, – в пустыни Иерусалимской есть лавра святого Саввы, устроенная Богом чудесно и непередаваемо словами. На обрывах лепятся келии – прилеплены и утверждены от Бога каким-то чудесным и страшным образом, будто звезды на небе. Среди же келий тех западнее есть пещера чудесная под скалой каменной, а в той пещере церковь святой Богородицы...

Глаза светловолосого смотрели сквозь спутников, он как бы видел желтый песок, белые камни стен монастыря, бурный поток, мерцающий свет лампадки в келье монаха на фоне звездного неба, слышал шум потока, бегущего по ущелью, и голоса молящейся братии...

– А я, дяденьки? – голос Спиридона, о котором в разговоре забыли, вернул их к реальности – Меня преподобный возьмет в монахи?

Оба, переглянувшись, посмотрели на паренька. В голубых глазах под спутанными волосами был вопрос, на который у них не было ответа. Не слышали они прежде, чтобы дети принимались в монастырь для монашеского делания.

Светловолосый положив руку на вихрастую макушку медленно произнес : «Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает; а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской.» Пойдем с нами, отрок, и пусть Пресвятая Богородица благословит наш путь к Преподобному.

В пустыни

Среди леса, огражденная от диких зверей частоколом стояла пустынь. Посередине несколько выше всех прочих зданий стояла небольшая деревянная церковь, освященная во имя Святой Троицы. Ее срубили братья Стефан и Варфоломей, когда еще не были пострижены в монахи, а освящена была по благословию преосвященного Феоноста, митрополита Московского. От церкви были протоптаны дорожки к отдельно стоящим кельям, – по этим дорожкам насельники и монахи ходили на службы. За ворота уходила тропинка и терялась в лесу, – за водой, пусть и недалеко, но нужно было ходить в любую погоду. Каждый приходящий должен был построить себе домик и обеспечить себя необходимым пропитанием и водой. Ни деревень, ни дворов не было в округе, неоткуда было принести еды, не было потока паломников и посетителей, которые оставляли бы пожертвование монахам. Приняв постриг от игумена Митрофана, преподобный Сергей строго соблюдал устав иноческого правила и приходящим к нему не отказывал в том, чтобы им поселиться, но всегда предупреждал, что место это скудно, и ждут их и голод и жажда и многие скорби.

В изумлении смотрел Спирька, как его спутники, преклонив колени перед монахом в потертой одежде, принимали благословение, а затем сам, положив земной поклон сложил ладошки чашечкой, как его учил благочестивый кузнец, водивший его по праздникам в храм и всегда старавшийся взять благословение у священника.

– Можете ли терпеть все те испытания и скорби, которые сопровождают живущих пустынножителей?

– Все мы готовы понести при помощи Божией, только не удаляй нас от этого святого места, – отвечал светловолосый, – и дай нам возможность послужить Святой Троице здесь, рядом с тобой.

– С радостью принимаю я вас, стройте себе каждый келью, но помните, сказано : «..аще приступаеши работати Господу, уготови душу твою во искушение».

– А еще сказано « Веруй Ему и он защитит тебя, управь пути твои и надейся на Него», – отвечал светловолосый.

– Дерзайте, люди Божии, ибо Тот, Кто призвал вас на место сие, Он Сам победит и врагов наших, как Бог всесильный, – улыбнулся преподобный.

Спирька переминался с ноги на ногу, не решаясь напрямую обратиться к тому, о ком рассказывали ему по дороге старшие товарищи – как он в одиночку прожил несколько лет в глухом лесу, окруженный дикими зверями и страшными злыми духами, как приходил к нему медведь и ел хлеб их его рук, – и о других его многих подвигах, которые становились легендами и передавались их уст в уста. Он тихонько подергал черноволосого за штанину. Тот, заметив его беспокойство, обратился к Преподобному:

– Благословите отрока остаться в обители, отче? –

– Бог благословит, пока позаботьтесь вы о нем, а там Богородица управит.

– Брат Феофан, покажи новоприбывшим место, где они могут обустраиваться, – подозвал отец Сергей проходившего мимо человека в длинной свитке из грубого сукна.

– Пойдемте, братья! – ответил тот и по еле заметной тропке они пошли в сторону леса. Спирька радостно встрепенулся, подхватил свою небольшую котомочку и чуть не подпрыгивая, поспешил за старшими.

Среди срубленных келий были сложены стесанные ветки, кора, а также стояла большая колода, в которой воткнут большой топор. Вокруг стояли сосны – не такие могучие, как в глубине бора, чуть выше человеческого роста.

– Ну, вот здесь удобно вам будет. И храм недалеко, и к источнику тоже ходить удобно. Деревья рубите с умом – на том месте, где келья стоять будет. Ветки и кору можно в печечке

пожечь, если печи класть не умеете, помогу. Водонос и ведро поначалу тоже у меня возьмите, потом обживетесь – вернете. А моя келья – вот она. Он показал рукой на аккуратный домик, из трубы которого поднимался веселый дымок. Глина для печки – у источника, пойдете вдоль бережка – увидите, там все берут.

– Спаси тебя Бог, брат! – ответил с поклоном черноволосый.

– А ты уже монах? – вылез с вопросом Спирька.

– В мантию рано мне ещё, – со вздохом отвечал Феофан. – Ну, мне пора идти, отец Сергей не любит праздных разговоров. Ангела вам в трудах!

Подтянув портки и потуже затянув пояса, завернув рукава рубах, друзья, – а во время пути они уже привыкли быть вместе, радовались тому, что Господь свел их в пути и почитали себя почти братьями, – взялись за топоры. Спирьке должно было оттащить в сторону и складывать ветки, щепу, кору, да отскакивать, когда следующее дерево, подрубленное под корень, с шумом падало на землю. Из небольших бревнышек и верхушек поваленных сосен, сложили шалаш в котором могли уместиться все трое. Лапником покрыли сверху, положили его и вовнутрь. Временное жилище было готово к вечеру, росла гора подготовленных для строительства бревен. Спирька взял у Феофана деревянное ведро. Водонос, который предложил сначала Феофан, был велик: ушат на три ведра, с хлудом, который вставляли в «уши» и зацепом, который два человека могли положить на плечо. Ведро было поменьше, для одного человека и Спирька пошел с ним к источнику.

Родник бил из обрывистого берега. Вода стекала по ложу, выложенному заботливой рукой из белых камней, заполняла углубление, также обложенное камнем, так что можно было зачерпнуть сразу полное ведро. Вода была чистая, холодная, – ломило зубы, – и сладкая. Принес воды строителям, те тоже пили долго, не отрываясь. Казалось, каждая капля воды прибавляла силы, проясняла мысли, омывала душу.

Издалека послышался стук. Сначала три размеренных стука, – «Тук! Тук! Тук!», а потом перестук – ритмично и бесперебойно: «Туки-тук-тук, туки-тук-тук...»

– Это что, еще кто-то келью строит? – спросил Спирька.

Однако слишком ровным был стук, который все приближался и вскоре они увидели невысокого монах с резной доской, округленной по концам. Монах держался строго и прямо, и доска вместе с ним составляла крест, который двигался в сторону храма, сзывая всех на вечернюю службу. Звонко-звонко разносился далеко за пределы пустыни деревянный перестук, колотушка не уставая ударяла по доске, – «туки-тук-тук!», в конце потом снова раздалось «Тук! Тук! Тук!» и все стихло.

– Это – било, как в Византии, – пояснил светловолосый. – Пора на службу. А три стука в начале и конце – в честь Святой Троицы.

Умывшись, отряхнув с одежды мелкие щепочки, все направились в храм.

Моровая язва

Дни шли за днями. Лето с его ягодами, грибами, съедобными травами, дикими яблоками и орехами ушло. Сначала пришла осень, – ходили в лес и среди березняка и осинника собирали крепкие грибы с коричневыми и красными шляпками, резали, сушили. Уже давно построены были обе кельи, у Спиридона была отдельная заклеть, – пристроечка, сложенная так, чтобы не мешать уединению и молитвам старшего друга. Однако мальчик предпочитал в холодные ночи примоститься в зазадороге- узеньком пространстве между печкой и стеной. Там лежал тюфячок, который получился из старых одежек, уже не годных для ношения и потому пожертвованных Феофаном мальцу. После вечерней службы и Правила, которое они читали вместе, Спирька залезал в зазадорогу и выглядывая оттуда слушал, как молится и кладет земные поклоны его товарищ. Черные волосы на плечах, суровая одежда, самодельная свеча, а чаще – лучина перед образами... И губы мальчика тоже шептали «Господи! Иисусе Христе! Сыне Божий! Помилуй мя, грешного!»...

Страшные вести доходили до обители: по Руси шла моровая язва. Она косила людей, не глядя на светлость сана и на всех «вынизала многоядные свои зубы» – как рассказывал один монашек, который вместе с епископом Новгородским и Псковским Василием был в Пскове. Зараза пришла из литовских земель, появилась сначала в Пскове и пригородах. Еще вчера здоровый человек слабел, потом жар охватывал его, он начинал харкать кровью и на третий день умирал. Близкие относили умершего в храм на отпевание, а через два-три дня и они все лежали в одном гробе и над ними пели «Со святыми упокой!...» Гробовщики не успевали ладить гробов, ужас, казалось, висел в воздухе. Вот тогда псковичи призвали святителя Василия, еще недавно отвергаемого ими. Желая независимости от Новгорода, требовали они поставить особаго, Псковского Епископа, а когда пришла беда, послали к нему за помощью.... Отец Василий не помня обид, отправился тотчас же и, не зная сна и отдыха, ходил по городу, служил молебны, причащал больных, освящал жилища.... И Господь внял молитвам праведника: мор в Пскове прекратился... Епископ Василий отслужил последний – благодарственный – молебен и пошел в Новгород, в котором уже бил тревожный набат, там тоже началось моровое поветрие...

–По дороге остановились мы на берегу реки Узы, костер развели... Отец Василий мне говорит – иди, набери сосновых лап побольше и посмолистее и сам сядь против дыма. Не гляди, что кашляешь и глаза ест, вдыхай, чтобы одежда дымом от смолы пропиталась.... Говорит, а у самого, гляжу, глаза блестят нездоровым блеском, от нас всех отодвигается, а потом говорит: «Я болен, ко мне не подходите. Умру – отпойте и похороните тут же, все вещи мои сожгите и ступайте с Богом. А теперь идите, мне помолиться надо». Наутро уже он холодный был, мы его как был, так и похоронили, вещи сожгли, крест срубили, над могилой поставили... А нас он отмолил, – никто из бывших с ним не заболел. В Новгород боюсь идти – черная смерть там... Дозвольте пожить здесь, об упокоении новопреставленного Василия помолиться...

Молча слушали насельники, ждали, что скажет преподобный.

– «Приходящего ко Мне не изгоню вон»,-сказал Спаситель.... Прими брата, позаботься пока о нем, – обратился он к светловолосому монаху, который тогда пришел вместе со Спирькой. Его недавно постригли с именем Леонтий и он исполнял в обители послушание лекаря. Низко поклонившись, Леонтий кивком пригласил монаха пройти в баню, где тот долго парился, а сам прожарил на камнях его одежду, чтобы убить возможную заразу.

Вскоре прискакал гонец от удельного князя Андрея: присланы были щедрые пожертвования и просьбы молиться о прекращении мора, который захватил уже Смоленск, Киев, Чернигов, Суздаль и грозил приблизиться к Москве. После утреннего молебна Святой Живоначальной Троице Леонтий отправился к преподобному Сергию.

На следующее утро все насельники обители строили новую келью, которая, по мысли Леонтия, должна было отстоять далеко от всех прочих, окружена была порослью молодых елочек и имела отдельную тропу к источнику. Здесь должны были жить и келейно молиться первое время все, приходящие в монастырь, пока не получают благословение на присоединение к общей молитве. Всем насельникам и монахам также велено было при первых признаках недомогания оставаться в келье и вывешивать в окне знак – черную тряпицу. В обязанность Леонтия входило лечение заболевших. О том, кто будет погребать умерших, пока не говорили, – «довольно для каждого дня своей заботы». А вот вопрос о том, кто их будет отпевать, беспокоил многих, поскольку приходящие священники из Переславля-Залесского были теперь редкими гостями в обители. Братия, собравшись, пришли к Сергию, прося его принять священнический сан и стать игуменом. Не сразу согласился преподобный, однако, исполняя волю епископа Афанасия, стал, наконец, игуменом обители, на радость всем в ней живущим.

Вновь пошли день за днем, месяц за месяцем. Окруженную лесами обитель редко посещали паломники или торговые люди. По-прежнему трудилась братия – каждый своими трудами зарабатывал хлеб насущный. Спирька пристроился к отцу Леонтию, – запоминал как лечить, какие травы собирать, как делать отвары и примочки. Помогал делать перевязки при глубоких ранах, смотрел, как Леонтий отворяет жилу у одного монаха, неожиданно покрасневшего и упавшего без памяти. В вечной котомке у Леонтия были и острый нож, и сушеный тысячелистник для остановки крови, и мох в тряпице, который привязывали к ране.... Спирька учился вправлять вывихнутые суставы и много чего еще узнал от своего наставника.

–А вот у нас в деревне, где я у кузнеца жил, была одна знахарка. Та тоже собирала и травы и грибы, а еще могла порчу навести и заговоры всякие знала... Я хотел было к ней попроситься, чтобы она меня научила, да кузнец не пустил, еще и подзатыльник дал – чтоб не думал даже.

–Это он правильно сделал, – улыбнулся Леонтий, – тебе за него не уставать надо Богу молиться. Вот стал бы ты колдуном и погубил навек бессмертную свою душу! Чародейство и волшебство – страшный грех. По правилу Анкирского собора «Те, которые приводят волхва в дом свой к больному ради исцеления чародейством, пять лет да не причастятся», а уж те, которые сами чародейством занимаются – те по Священному Писанию из церкви извергаются...

–Страсти какие! И навсегда?

–Ну, если покаяние принесут, то и тогда пять лет без причастия. Во времена апостольские многие волхвы и чародеи покаялись, пожгли свои книги и через то спаслись...

–А ты не чародей?

–Нет, я травник. Был такой Иоанн Дамаскин – по его учению есть четыре стихии: огонь, вода, земля и воздух. Человеческое тело, как и все тела в природе, состоит из тех же стихий. В теле наше земле соответствует черная кручина, воде – глен, воздуху – кровь, огню – желтая кручина...

Спирька слушал, старался понять или хотя бы запомнить, что говорит его наставник, одновременно влажной тряпицей протирая вспотевшее лицо больного, подхватившего где-то лихоманку. Поначалу перемогался, но потом ослаб совсем и пришел к Леонтию, попросил травки попить для лечения. Поселили его в келье, предназначавшейся для приезжих, но пока пустовавшей, после вечернего правила ему дали потогонную траву и он сейчас уже спал, только крупные капли пота выступали на лбу, унося с собой остатки хвори. Спирька встал. Помолился – в красном углу висели иконы Спасителя, Пресвятой Богородицы и еще одна, написанная здешним иконописцем – святой Лазарь Четверодневный. Ему всегда молился отец Леонтий, когда жизнь больного была на краю, вытекала по капле – с кровью, с потом. И лечебницу называли еще лазаретом – домом, где покровительствовал святой Лазарь.

В храме Святой Троицы рядом с алтарем висела икона, список с той, что находится на Кипре. Название этой земли, окруженной морем, на которой был епископом и потом был похоронен святой Лазарь, Спирька узнал также от Леонтия. Икона так и назвалась – Кипрская.

Посланцы патриарха Константинопольского, доставившую это икону, рассказывали, что святой образ стоял на воротах, ведущих к церкви Пресвятой Богородицы. Однажды аравитянин, проезжая мимо этой церкви, захотел поглумиться над христианской святыней. Он пустил в образ стрелу и попал в колено Пресвятой Богородицы на иконе. В ту же минуту из раны потекла кровь в таком количестве, что обогрела землю. Аравитянин от ужаса бросился скакать домой, но, не доехав до дому, пал на пути мертвым.

Божия Мать на иконе была в короне и на троне – Царица Небесная! Вверху около Нее по сторонам ангелы, с каждой стороны по одному, в венцах с ветвями; внизу коленопреклоненные – с одной стороны священномученик Антипа, с другой – мученица Фотиния. Еще дома, когда он жил у кузнеца, Спирьке рассказали, что мученик Антипа – первый помощник при зубной боли, а мученица Фотиния – исцеляет от лихоманки. Но отец Леонтий сильно огорчился, когда Спирька начал «делиться» с ним своими знаниями.

– Неужто ты думаешь, что святые только одно что-то могут делать? Вот я – грешный монах, если придет ко мне кто с кашлем, разве скажу – «уходи, я только живот лечу»? Да и разве я лечу? Разве святые лечат? Они – наши заступники перед Господом, их молитвами мы и спасаемся и исцеляемся. А Врач и Целитель душ наших и телес – один, Господь! Ну а мы, те что на земле – парим, мажем, травки отвариваем – его орудия... Ну, как лопата в руке огородника – чтобы землю копать.

– А я? Я смогу быть таким орудием?

– Трудись, учись, себя не жалея для ближнего, молись о помощи милости Божией- и, Бог даст, сможешь...

– А... Преподобный?

– Его молитва исцеляет и без нашей с тобой помощи. Господь слышит каждое его слово, Богородица сама ему помогает. По его молитве Господь мертвого воскресил, – знаешь это?

– Нет....

– Отец Сергей запретил рассказывать, но я сам мертвого мальчика видел – точно, мертв он был!!! А потом из кельи отца Сергея на своих ногах вышел. А ему уже его отец и гроб сделал...

Мальчик и верил и не верил. Верил – потому что не мог ему лгать отец Леонтий, да и в молитвенной силе Преподобного Сергея не сомневался. А не верил, потому что очень уж много родных ему людей перешло за тот порог, откуда, как считается, нет возврата....

Помолчали...

– Ну вот, завтра отправится наш болящий восвояси и наша лечебница опустеет, – встретился Спирька.

– И слава Богу, – ответил Леонтий.

Однако утром после службы, на котором выздоровевший монах причастился святых Христовых Таин, когда Леонтий и Спиридон шли по своим кельям (Спиридон уже давно при помощи старших друзей срубил себе отдельную келью), их догнал монастырский привратник.

– Отец Леонтий, погоди! – запыхавшись проговорил он, – не знаю, как быть. Прибыл посланник от князя Андрея... но по всему видно – болен он... и как бы не морозная язва это... точно, как тот монах про отца Василия сказывал... – Дыхание его было прерывистым, сам бледен и испуган.

– Иди в свою келью и оттуда ни ногой, возьми ладан, окури всю келью, сам больше дыши благовонным дымом и молись святому целителю Пантелеймону и всем святым, – резким, не терпящим возражений голосом велел Леонтий. Потом повернулся к Спирьке:

– Спиридон, ступай к отцу игумену, расскажи что слышал. Скажешь, отец Леонтий – с прибывшим, в лечебнице.

Через пару дней посланник от князя Андрея отдал Богу душу, перед этим сообщив, что князь Андрей, так же как и перед этим князь Симеон Гордый и владыка Феогност, скончался от

моровой язвы. Братия молилась келейно, собирались лишь на Литургию и сразу расходились. Служили молебен, кадили ладаном более чем обычно, потом каждый шел в свою келью и занимался там рукоделием и молитвой. Все – как обычно. По милости Божией, заболел лишь один монах – тот самый привратник. Посланник был отпет и похоронен тут же, у обители, положив начало монастырскому кладбищу. Привратник же выздоровел, благодаря заботам отца Леонтия. По грамоте, переданной посланником, князь Андрей перед смертью, сильно скорбя душою, что оставляет молодую жену Марию, у которой уже был годовалый сын Иван и которая была уже сильно тяжела, просил Преподобного Сергия не оставлять его семью духовном попечении и окормлять их, заменив родного отца. Сорокоуст об упокоении новопреставленных служили всей братией, потом – молебен Пресвятой Богородице о здравии и благополучном разрешении от бремени рабы Божией Марии. На сороковой день после молебна Преподобный Сергий, склонив колени, долго молился, а потом воскликнул: «Слава тебе Господи! На свет родился доблестный муж, благочестивый наследник своего отца!» Сороковой день после смерти князя Андрея был днем рождения князя Владимира. Опекуном и наставником его с самых малых лет, так же как и наставником князя Димитрия, также рано оставшегося без отца стал митрополит Алексий, которого связывала с Преподобным Сергием святая дружба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.